# Добро пожаловать в Сараево!

Улица, по которой мы с Мирзóй ехали на его синей «заставе-101», была пустой. Несмотря на действовавшее с февраля перемирие, она, видимо, обстреливалась снайперами. Вдруг позади послышался характерный рев мотоциклетного двигателя. Байк поравнялся с нами, но обгонять не стал.

Мирза сразу заподозрил неладное и сбросил скорость. Теперь я увидел байкеров: молодые парни с аккуратно подстриженными короткими бородками — шлемов на них не было. Они тоже притормозили, и тот, что на пассажирском сиденье, — с длинными темными волосами, собранными в конский хвост, — поднял израильский пистолет-автомат «узи». Тут уже Мирза резко дал по тормозам, и очередь пришлась в стену дома. Мотоцикл вильнул, объезжая обломки кирпича на проезжей части, и байкеру стало не до стрельбы. К счастью, справа открылся переулок, и наша «застава» с визгом шин рванула в спасительный проезд.

Мы мчались по узкой улочке, не заботясь о том, что будет, если на ней или на ближайшем перекрестке появится другой автомобиль. Я оглянулся: мотоцикл

пристроился нам в хвост, однако места для обгона у него не оставалось.

— Байк сзади! — крикнул я Мирзе.

Тот кивнул: он видел его в зеркале.

Улица начала подниматься в гору — и вот что он придумал. Вместо того чтобы перейти на более низкую передачу и сохранить скорость, Мирза внезапно затормозил, а потом резко дал задний ход. Врезаться в багажник нашей машины в планы нападавших не входило. Байк в последний момент примостился в промежутке между двумя большими кучами мусора от разбомбленных зданий. Мирза же проехал еще несколько метров задним ходом. Так наши преследователи оказались спереди, а мы сзади.

Мой водитель и теперь знал, что делать. Он немедленно включил первую скорость и с ревом понесся на зажатый у тротуара мотоцикл. Чтобы избежать столкновения, преследователи, превратившиеся в преследуемых, поспешили выехать на проезжую часть. Сидевшему сзади бандиту уже никак было не приладиться, чтобы дать по нам еще одну очередь. А его подельник стремился лишь избежать наезда. При этом наша «застава» с ревом, достойным мотоцикла, все больше набирала скорость. Байк выровнялся и помчался прочь. Но теперь, когда мы поменялись ролями, Мирза гнался за ним, как бульмастиф, получивший команду «фас».

Улочки в Старом городе Сараево слишком узкие, чтобы можно на них развернуться. Единственным преимуществом нападавших, а теперь бежавших от нас была скорость. Байк с воем стал быстро удаляться, а затем под опасным углом, почти чиркая подножкой по мостовой, свернул на перекрестке. Когда мы выехали

на него, нападавшие были уже далеко, а вскоре и вовсе исчезли.

Мирза остановил машину, и мы прислушались. Вокруг царила тишина. Ни машин, ни прохожих.

— Что это было? — выдохнув, спросил я.

Хотя я-то знал, а мой водитель как раз нет. Громила из автомастерской или его дружки попытались реализовать свою угрозу.

— Это не конец, — с тревогой произнес Мирза. — Они сейчас вернутся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

# НЬЮ-ЙОРК – МОСКВА. Пятью днями ранее

# 1

Вся эта история для меня то как в тумане, то бьет электрическим разрядом между висками. Сказать, что начиналось все мирно-спокойно, тоже было бы неправильно.

Это случилось осенью 1994 года. Ньюйоркцы наслаждались окончанием жары и наступлением бабьего лета. После прогулки с нашим неуемным, как будто посидевшим в лужице скипидара, кокер-спаниелем Мистером Куилпом и неспешного завтрака я, как правило, направлялся в офис нашего турагентства на углу 83-й улицы и Лексингтон-авеню.

В тот день на оживленном перекрестке Мэдисон и 85-й улицы, как обычно, продавал жареные каштаны невзрачный чернявый человечек лет пятидесяти. Я знал его как Жака, он ко мне обращался просто на «вы», потому что говорили мы с ним по-французски. Мы здоровались кивками, иногда я получал за доллар кулечек ароматных, горячих каштанов, иногда, обменявшись парой вежливых, ничего не значащих фраз, просто шел дальше. Но изредка, завидев меня, он с улыбкой протягивал наспех заготовленную порцию в коричневой плотной бумаге. И тогда я уже покупал каштаны в обязательном порядке — в глубине рожка лежало зашифрованное послание. Это был мой — а возможно, и еще кого-то — канал связи для обмена короткими

сообщениями с Конторой. Мы действовали по принципу «хочешь что-то спрятать — клади на видное место».

На этот раз, дойдя до нашего офиса, я высыпал каштаны в плошку на нашем чайном столике за ширмой и, воспользовавшись опозданием своей помощницы Элис, тут же сел за расшифровку трех рядов цифр на свернутом в шарик комочке бумаги, брошенном в глубину кулечка. Сообщение из Центра было совсем коротким: «Мама болеет. По возможности приезжай. Э.»

«Мама болеет» не было кодовой фразой — из суеверия я категорически запретил хоть как-то использовать подобные вещи в тайной переписке. Так что мама действительно болела. Я почувствовал, как забилась кровь в висках. Если бы речь шла об обычной простуде, меня бы беспокоить не стали. С другой стороны, будь положение серьезным, мой куратор в Конторе, подписывающий сообщения литерой Э, то есть Эсквайр, не написал бы «по возможности», написал бы «срочно». Да и маме всего-то шестьдесят. Но все равно мир мой вдруг покачнулся, как когда поскользнешься на обледеневшем тротуаре.

Я никогда не верю тем, кто говорит, что ничего не боится. Это неправда: все чего-то боятся.

Меня, например, не пугает риск засветиться, быть арестованным властями какой-либо страны, быть похищенным какими-либо отморозками или агентами враждебной спецслужбы, подвергнуться пыткам, получить длительный тюремный срок, смертельную инъекцию в вену или пулю в голову. Это все — издержки профессии, которую я сознательно выбрал и которая, несмотря ни на что, наполняла мою жизнь интенсивным ощущением, что я живу.

Тем не менее я, как и любой нормальный человек, до холодного пота боюсь, как бы чего не случилось с моей семьей: с Бобби, Джессикой и моей тещей Пэгги, с которой мы очень близки. Но с ними, по крайней мере, я живу рядом и, если что-то не так, всегда смогу прийти на помощь. Разве что — маленькая деталь! — они вдруг узнают, что я на самом деле русский шпион. Тут уже покачнувшийся окружающий мир может и не вернуться в первоначальное положение, и это всегда было одним из моих основных страхов.

А с мамой моей все и проще, и сложнее. С одной стороны, она знала, чем я занимаюсь, и относилась к тем немногим людям, с кем мои отношения не строились, хотя бы частично, на лжи. Еще я жил в уверенности, что она ни в чем не нуждается. Я купил ей небольшой коттедж в совминовском охраняемом поселке под Москвой. Его окружал редкий ухоженный лес, в котором в любое время года приятно прогуляться, неподалеку протекала еще чистая перед заходом в столицу Москва-река. Маме переводили мою немаленькую зарплату в рублях, пару раз в неделю приходила проверенная женщина, чтобы принести продукты и помочь по хозяйству. Для тяжелых работ на участке нанимался садовник, но и сама мама с весны до осени с удовольствием копалась в своих клумбах с пионами, розами, лилейниками и гладиолусами.

С другой стороны, виделись мы с ней — увы! — редко, раз в несколько лет, и, как правило, коротко. А все остальное время я жил в постоянном латентном страхе потерять ее.

Иногда, когда страх усиливался, по нашему тайному каналу связи я срочно запрашивал Москву. И мой заботливый куратор Эсквайр, которого я про себя называю Бородавочник из-за большого количества родинок

на лице, немедленно звонил маме, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и снять мои страхи.

Но сейчас все складывалось еще лучше. К тому времени, как пришла, походкой пантеры в обтягивающей бедра короткой юбке, моя восхитительная помощница Элис, я уже знал, как действовать. Через пару дней я в любом случае собирался лететь в Вену по делам одного нефтяного магната из Техаса (у меня в Нью-Йорке турагентство для ВИП-клиентов Departures Unlimited). В сообщении Эсквайра говорилось «по возможности», значит, время у меня было. Но я решил, что полечу прямо сегодня ночью, только после посадки в Вене первым же рейсом отправлюсь в Москву. Разумеется, с российским паспортом на другое имя, какие хранятся на всякий случай в нескольких европейских столицах, Вена как раз в их числе. Мне его привезут в аэропорт с уже оформленным билетом в Москву.

Я отправил Элис в агентство Austrian Airlines со своим паспортом, чтобы поменять рейс. Вроде бы одна важная встреча в Вене была назначена уже на завтрашний день — хотя моя бесценная помощница не задает лишних вопросов. Дождавшись ее звонка с новыми данными рейса, я составил соответствующую просьбу Эсквайру, зашифровал ее на листочке бумаги и, застегнув ветровку, вышел на улицу.

Но маховик в моей голове продолжал вращаться. К счастью, свободно так, нигде его не заедало. И Джессика, и Элис знали о предстоящей поездке в Вену, так что перенос даты подозрений не вызовет. «“По возможности”, — повторил я про себя фразу из сообщения. — Значит, ничего срочного. В любом случае уже завтра поздно вечером, учитывая разницу во времени, я смогу обнять маму и буду в курсе всего».

# 2

Меня до сих пор зачаровывает тот факт, что перелеты из Западного полушария в Восточное переносятся гораздо тяжелее, чем наоборот — из Европы в Америку. Мне кажется — но это может быть дилетантское, даже невежественное предположение, — так происходит потому, что Земля, если посмотреть на нее сверху, со стороны Северного полюса, крутится против часовой стрелки. То есть когда вы, например, летите из России в США, вы как бы занимаете место в верхней части земной оси, а планета движется под вами, приближая самолет к цели путешествия. В сущности, если бы такое было возможно, теоретически достаточно было бы подняться на определенную высоту и дождаться, когда нужный континент окажется под вами. Зато, перемещаясь из Нового Света в Старый, вы совершаете над естественным движением планеты хотя и неизбежное, но явное насилие, что и сбивает ваши биологические часы.

В общем, приземлившись в Вене в начале второго ночи по местному времени после девятичасового полета, я от недосыпа и выпитого находился уже не в лучшей форме. Я летел Austrian Airlines, потому что все другие авиакомпании предлагали пересадку в Лондоне, Франкфурте, Париже или Брюсселе. Но ведь моим статусным клиентам, как тому магнату из Техаса,

разумеется, вряд ли захочется потратить пару-тройку часов на изнуряющую пересадку. И чтобы проверить, не испортился ли сервис в австрийской авиакомпании, летел я, разумеется, первым классом. Хотя, благодаря доскональному знанию моей помощницей Элис всех хитростей бронирования, скидок и акций и в первую очередь в силу давно налаженных тесных отношений с партнерами, для которых я являлся таким же ВИПом, я даже с семьей всегда летал с максимальным комфортом по цене экономкласса.

При этом разницу во времени — плюс шесть часов — комфорт профессионального туриста не компенсировал. К тому же даже при ночных полетах стюардессы, заметив, что вы не спите, тут же предлагают — в качестве снотворного — стаканчик чего-либо вкусного. В тот год я активно дегустировал текилу, а в первом классе неизменно предлагали очень-очень выдержанную «Дон Хулио» — бархатную, душистую, которую даже жалко глотать. В общем, заснуть мне долго не удавалось, возможно, из-за чего не удалось прикрыть глаза и услужливой стюардессе.

В венском аэропорту я вырвался из потока пассажиров, спешащих долго переминаться с ноги на ногу в зале выдачи багажа, и задержался в транзитной зоне. У меня был только небольшой чемоданчик на колесиках, разрешенный для перевозки в салоне. Пока я озирался, ко мне подошел средних лет мужчина в форменной одежде и, убедившись, что я это я, вручил мне плотный конверт. В нем лежал российский паспорт на привычное для меня имя Максима Ивановича Петровского, а также уже зарегистрированный билет в Москву на рейс, вылетающий через час с небольшим.

— Я могу что-нибудь еще для вас сделать? — спросил человек без имени, но наверняка с массой достоинств.

Он ведь явно относился к особо доверенным лицам — Эсквайр мною очень дорожит. Я, конечно, раздумывал в самолете, что мне делать с американским паспортом. Был вариант оставить его в Вене и снова получить в аэропорту или где-то в городе, когда я вернусь туда по делам техасского миллионера. Однако я все же решил не расставаться с паспортом. Кто знает, куда меня занесет и откуда придется лететь обратно в Нью-Йорк?

— Нет, спасибо. Хорошего дня! — улыбнулся я коллеге.

— Счастливого пути!

Мужчина едва наметил улыбку в ответ и столь же незаметно, как и появился, растворился среди редких пассажиров транзитной зоны.

Как покажет будущее, оставить при себе на всякий случай американский паспорт оказалось с моей стороны верхом неосмотрительности. Более того, эта ошибка чуть не будет стоить мне головы, но должна ведь жизнь чему-то учить. Однако и о последствиях той, не единственной, глупости тоже в свое время.

# 3

В самолете «Аэрофлота» — я летел бизнес-классом, — чтобы привести себя в порядок, я сразу попросил кофе. И первая же чашка меня свалила. Что неудивительно: алкоголь меня бодрит, а кофеин спать не мешает. Я проснулся — меня не стали будить на обед, — лишь когда самолет начал снижение и у меня заложило уши. Я и без текилы вернулся в отличную форму.

— Еду нам уже запрещено подавать, но хотите пару круассанов вам разогрею? — мило улыбаясь, спросила славная круглолицая стюардесса.

— О да! Будут в самый раз, — обрадовался я. В последний раз мне удалось перекусить часов десять назад.

В Москве, как и везде, бизнес-класс выпускают из самолета в первую очередь. На трапе — нас высаживали на летном поле — я с наслаждением вдохнул воздух родины с легкими нотками керосина, резины и еще каких-то технических субстанций. В столице России тоже было бабье лето, но недавно прошедший дождь уже принес напоминание о скором наступлении настоящей осени.

У черной «татры» Эсквайра — во времена КГБ руководство ездило на более комфортном, чем «Волга», чешском седане — стоял молодой человек в строгом костюме. Увидев, как я спускаюсь, он в два шага

перехватил меня у трапа. Пока он ставил в багажник мой чемоданчик, водитель успел открыть передо мной заднюю дверь. Все это — лишь с быстрыми рукопожатиями (руку всегда первым протягивал я) и парой банальных фраз типа «Нормально долетели?» — заняло меньше минуты. Другие пассажиры бизнес-класса еще только рассаживались в микроавтобус, а мы уже мчались к выезду с летного поля.

— В Жуковку? — спросил, обернувшись, встречавший меня парень.

— Да.

— Вы не волнуйтесь, там все в порядке. Я разговаривал днем с вашей мамой.

— Сказали ей, что я еду?

Парень замялся.

— Я не знал, как лучше. Знаете, сюрпризы в таком возрасте…

— Я как раз потому и спросил, — успокоил его я. — Вы все правильно сделали.

Маму мою надо знать. Она может сначала фыркнуть, даже если случилось что-то хорошее, а потом расцветет. Или в обратном порядке. Вот и сейчас она крепко обняла меня, расцеловала, а потом отстранилась и сказала строго:

— Кому пришло в голову тебя срывать? Ты же не с другого конца Москвы едешь.

— Как ты, мам?

— Да всякие дурацкие болячки! Давай не будем о ерунде.

Ну ладно: я же знал, кого расспросить в деталях, что с ней было не так.

— Договорились, — пообещал я.

— Ты надолго?

— На пару дней. Мне же еще по делам придется отъезжать.

Мама снова прижала меня к себе всем телом. Или сама прижалась — как посмотреть. Я поцеловал ее в макушку. Но она вдруг встрепенулась:

— Голодный, наверно! Я приготовила все, что ты любишь.

Я любил то, чего мне всегда не хватало в Америке: вареную картошку с укропом, икряную селедку с нерафинированным душистым подсолнечным маслом и ржаной хлеб. Ну и для чего-то крепкого я уже созрел. Я всегда привожу маме хороший коньяк. Я не особо любитель, но водку и подавно не пью. А мама считала, что когда сердце немного прищемит, чем вызывать скорую помощь, лучше выпить рюмку коньяку — и всё как рукой снимет. Но сейчас она просто смачивала в рюмке верхнюю губу.

Мы проговорили до утра. В основном говорила мама — делилась новостями. Она росла в детском доме, про своих репрессированных близких практически ничего не знала. Но с год назад, когда Эсквайр-Бородавочник позвонил, чтобы узнать, не надо ли чего, мама попросила поискать сведения о ее родителях. Ей привезли их следственные дела, в которых содержались и изъятые при обыске фотоснимки.

Я мало что знал о своих русских бабушке и дедушке — мама по молодости лет не могла их помнить. А тут ей передали и переснятые фотографии семьи моего прадеда — он служил лоцманом на Свири, реке, соединяющей Онежское и Ладожское озеро. Странное ощущение — увидеть этого пришельца из другого века, но из моей жизни. В кресле восседал могучий старец с окладистой бородой, какой мог жить и двести,

и триста, и четыреста лет назад. Разве что одетый по городской моде конца XIX века. Рядом с ним примостилась на стуле его вторая жена, моя прабабушка, которая была лет на двадцать его моложе. За ними стояли их двое старших совместных сыновей в выходных костюмчиках, а в руках у прабабушки запеленатый младенец в чепчике — моя бабушка.

Пораженный, я только помотал головой, но мама поняла, о чем я:

— Да. За какие-то считаные десятилетия поменялось все, что существовало веками.

Тяжело опершись на столешницу, она встала, открыла ящик комода и достала оттуда шкатулку с украшениями.

— Вот что еще оказалось в деле, — сказала она, усаживаясь на старое место напротив меня. — Мне разрешили оставить его себе.

Она протянула мне золотое кольцо. Оно обрамляло очень тонкого письма миниатюру на финифти — столь же золотистую икону Казанской Богоматери. Я знал, что миниатюрные иконы писали и в Палехе, и в Холуе, и в Федоскино — наверное, и сейчас пишут. Но даже если и так, в иконе на том кольце угадывался дух другой эпохи, какой-то флер давно ушедшего времени. Не будучи искусствоведом, я в таких вещах немного разбираюсь. Не зря я много лет вхожу в число друзей Метрополитен-музея и посещаю все их выставки и мероприятия.

— Оно старое, — сказала мама, вторя моим мыслям. — Я даже относила кольцо в Центральный дом художника на экспертизу перед аукционом. Не чтобы продать — мне хотелось знать мнение специалистов. Это ростовская финифть конца XVIII века, Пушкин еще

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru